

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 1.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, января 4-го.

Содержаніе: Новогоднія пожеланія сельскому приходскому духовенству. — Духовно-просвѣтительная дѣятельность нашихъ сельскихъ пастырей. — Празднованіе новаго года въ христіанской Церкви. — О противодѣйствіи со стороны Церкви нѣкоторымъ обычаямъ, связаннымъ съ началомъ года. — Къ рѣшенію вопросовъ изъ области пастырской практики. — Государь Императоръ Александръ III, какъ учитель русскаго народа.

Новогоднія пожеланія сельскому приходскому духовенству.

Многотрудно было пастырское служеніе всегда, но не менѣе многотруднымъ является оно и въ наше время, отличающееся броженіемъ умовъ. И если когда, то именно въ настоящее время къ пастырямъ Церкви предъявляются жизнью особенныя требованія какъ со стороны образованнаго общества, такъ и со стороны простонародья. Какія именно требованія предъявляются жизнью къ современнымъ пастырямъ Церкви со стороны нашего образованнаго общества, и какъ

они могутъ и должны удовлетворять этимъ требованіямъ, мы не будемъ говорить здѣсь, ограничившись только замѣчаніемъ, что, одушевляемые святыми задачами своего служенія, пастыри Церкви всегда и всюду должны идти по возможности впереди образованнаго общества, высоко и твердо держа знамя своего служенія. Для насъ гораздо важнѣе, къ задачамъ изданія нашего гораздо ближе благотворная дѣятельность сельскихъ приходскихъ пастырей.

Безпредѣльно широкое въ своихъ необъятныхъ границахъ вообще, поле пастырской дѣятельности сельскихъ приходскихъ священниковъ расширяется до безконечности. Сельскій священникъ для своихъ прихожанъ въ точномъ смыслѣ является и долженъ быть *всѣмъ вся, да всяко ныкія спасетъ*. И къ нимъ именно ближе всего можетъ быть отнесенъ глаголь Божій, раздающійся изъ глубины вѣковъ Вѣтхаго Завета чрезъ пророка Іезекиіля и указующій истинное призваніе и предназначеніе достойныхъ служителей Церкви Христовой: *сыне чловѣчь, стража дахъ тя дому Израилеву, да слышиши слово отъ устъ Моихъ* (3, 17), *и проповѣси имъ отъ Мене* (33, 7). Сельскіе приходскіе священники являются всецѣло *стражами*, храненію и пастырски-отеческому попеченію которыхъ ввѣряется народъ, какъ драгоцѣнное *достояніе Божіе*. Безпристрастная исторія свидѣтельствуетъ, что вотъ уже въ теченіе *деяти* слишкомъ вѣковъ, со времени крещенія Руси при св. равноап. влязѣ Владимірѣ, главная задача дѣятельности приходскаго духовенства заключалась въ сильномъ ревностномъ насажденіи вѣры Христовой въ сердцахъ и жизни русскаго народа. И простой народъ нашъ, подъ руководствомъ своихъ пастырей и подъ священною сѣнію храмовъ православныхъ, глубоко воспринялъ въ душу свою вѣру въ Бога, утвердился въ безграничной любви къ Православной Церкви и въ беззавѣтной преданности своимъ Царямъ, какъ Помазанникамъ Божіимъ, какъ богодарованнымъ Хранителямъ и Поборникамъ Русской земли и надежнымъ Защитникамъ народной вѣры. Вѣра въ Бога, соединяемая съ любовью къ

св. Православной Церкви и самоотверженною преданностію своему законному Царю, обильно политая въ разные тяжелыя годы нашей исторіи народною кровію, настолько тѣсно слилась съ духомъ русскаго народа, что сдѣлалась единственною могущественнѣйшею зиждительною внутреннею силою русскаго народа, его священнымъ историческимъ знаменемъ. При всемъ томъ, у простого народа нашего и по настоящую пору замѣчается не полное разумѣніе своей вѣры, не полное пониманіе истиннаго значенія для благоденствія родины св. Православной Церкви, не полное знаніе твердо сложившагося государственнаго строя и порядка народной жизни, мало вообще просвѣщеннаго, болѣе или менѣе осмысленнаго взгляда на свою жизнь. „И вотъ,—скажемъ словами одного наблюдателя народной жизни,—нынѣ пробудилась, наконецъ, въ народѣ жажда къ просвѣщенію, заявляя о себѣ съ неслыханною и неотразимою силою. Настала пора, когда долженъ, наконецъ, совершиться важный переворотъ въ духовной жизни нашего народа: какъ бы пробудившись отъ долголѣтнаго сна, народъ нашъ нынѣ не хочетъ уже болѣе жить оцущью, руководствуясь одними лишь смутными влеченіями своего глубоко-религіознаго сердца. Онъ хочетъ новымъ и просвѣщеннымъ взоромъ взглянуть и на свою вѣру, и на свою жизнь, хочетъ уразумѣть себя и окружающій его Божій міръ, хочетъ, словомъ, жить и дѣйствовать вполнѣ сознательно и разумно, какъ это и подобаешь всякому человѣку“. Жажда эта пробудилась въ народѣ вслѣдствіе возрожденія и необыкновенно быстрого роста изначальной у насъ церковно-приходской школы, нашедшей себѣ, благодаря мудрымъ распоряженіямъ Правительства, мирный пріютъ и давно желанный и вполнѣ заслуженный покой подъ благодатною сѣнію Православной Церкви. „Но при такомъ глубокомъ переворотѣ во внутренней духовной жизни народа вполнѣ очевидно, что его старыя вѣрованія и привязанности, старыя привычки и взгляды, которыми онъ жилъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, на которыхъ созидалась его духовная мощь и

внѣшняя слава, которые онъ выстрадалъ и вынесъ изъ всѣхъ великихъ жизненныхъ невзгодъ своихъ, будутъ, наконецъ, разрушены и отброшены, какъ нѣчто уже отжившее и потерявшее всякое свое значеніе“. :Вслѣдствіе этого, приходское духовенство, такъ блистательно оправдавшее возлагавшіяся на него покойнымъ Государемъ Императоромъ надежды въ веденіи дѣла церковно-приходскихъ школъ, должно неуспѣшно теперь стоять на стражѣ народнаго образованія въ строго-православномъ духѣ, осмысливать и възгрѣвать православную вѣру русскаго народа и какъ зѣницу ока хранить и беречь ее отъ враждебныхъ и разрушительныхъ силъ ложнаго образованія и тѣмъ самымъ обезпечить дальнѣйшій могучій ростъ и будущую славу нашего дорогого отечества. Если бы русскій народъ, до сихъ поръ твердый, такъ сказать примѣнительно къ словамъ пророка — *праведникъ* въ православной вѣрѣ, при посредствѣ ложнаго образованія совратился съ пути истиннаго, измѣнилъ вѣрѣ отцовъ своихъ: то *кровь его*, по слову Божию, *взыщется отъ рукъ* нерадивыхъ духовныхъ *стражей его*, надъ главою которыхъ грозно виситъ всегда готовый разразиться праведный гнѣвъ Божій: *егда совратится праведникъ отъ правды своихъ и сотворитъ соуприсяженіе..., той умретъ. ., крове же его отъ руки твоя взыщу* (Іез. 3, 20).

Да крѣпнуть же чувства вѣры и Православной Церкви въ сердцахъ русскаго общества! Вѣра и Церковь да служатъ ему руководствомъ во всѣхъ путяхъ частной и общественной жизни! Да насаждается и распространяется православная вѣра среди невѣрующихъ и иновѣрующихъ! Да процвѣтають наши православныя миссіи, учрежденныя и учреждаемыя для обращенія невѣрныхъ и присоединенія отдѣлившихся отъ Православной Церкви раскольниковъ и сектантовъ! Да умножаются и преуспѣваютъ церковно-приходскія школы, въ которыхъ духовенству открыто широкое, свободное и безконечно-благодарное поле жатвы для житницы Господней! Да распространяются и цвѣтутъ церковныя братства и приходскія попечительства, усилившія уже сдѣлать не мало добраго! Да

исчезнетъ всякая неразумная вражда между духовенствомъ и тѣми членами общества, которые съ подозрительностію и недоброуміемъ смотрѣли или смотрятъ на духовенство и благія дѣланія его на пользу народа! Да царствуетъ общій духъ любви и взаимной преданности между пастырями и пасомыми!.. Уже есть нѣкоторые отрадные признаки того, что, по видимому, вотъ-вотъ готово наступить время, когда общество наше, проникнутое въ лучшихъ представителяхъ своихъ духомъ православной вѣры и руководимое своими пастырями, готово будетъ неуклонно идти по пути постепеннаго возможнаго духовно-правственнаго совершенствованія. Сравнительно рѣже стали раздаваться со стороны извѣстной части общества совершенно неосновательныя обвиненія православнаго духовенства въ мнимомъ большею частью и слишкомъ уже преувеличенномъ невѣжествѣ, оторванности отъ почвы, отчужденности отъ народа и народнаго расположенія. На ряду довольно ясно и опредѣленно замѣчающимся пробужденіемъ и усиленіемъ церковно-религіознаго стремленія въ обществѣ, обнаруживающагося въ полномъ предпочтеніи во всемъ почти «странительныхъ началъ, въ стремленіи къ религіозно-церковному образованію, къ миссіонерству и пр. т. п., кореннымъ образомъ начинаетъ измѣняться въ немъ и взглядъ на духовенство, какъ на людей, которымъ предстоитъ великая роль въ будущихъ судьбахъ славнаго народа русскаго...

Съ этими свѣтлыми и бодрящими надеждами и чаяніями, *повершивши печаль свою на Господа* и испросивъ Его вседѣтельное благословеніе, да выступаетъ безбоязненно и смѣло приходское духовенство и въ новомъ году на святое и многотрудное *дѣло свое и на дѣланіе свое!*

Духовно-просвѣтительная дѣятельность нашихъ сельскихъ пастырей.

Въ настоящее время наиболѣе выдающимися явленіями нашей церковно-общественной жизни слѣдуетъ признать школьный вопросъ и вопросъ о борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ. На этихъ двухъ вопросахъ сосредоточиваются заботы и вниманіе какъ высшей церковной власти, такъ и епархіальныхъ начальствъ, равно какъ и сельского духовенства. И нельзя не порадоваться отъ души, что великое и святое дѣло просвѣщенія русскаго народа черезъ посредство церковно-приходскихъ школъ и возвращенія въ лоно Православной Церкви заблуждшихъ черезъ посредство миссій принимаетъ такое доброе направленіе и такіе широкіе размѣры. Церковно-приходскія школы, вѣренныя попеченію и руководству приходскаго духовенства, являются, по своему назначенію, не только расадниками грамотности, но и заведеніями, воспитывающими подрастающія молодья поколѣнія въ духѣ православной вѣры и нравственности христіанской. Въ такихъ школахъ чувствуется настоятельная нужда. „Настало иное время,—говоритъ свящ. М. І. Хитровъ: съ развивающейся фабричной жизнью, съ попытками непризванныхъ просвѣтителей народа, съ развивающимися быстрыми и дешевыми путями сообщенія — деревня собралась въ невѣдомый путь... Старинный бытъ, съ его крѣпкими устоями, слабѣетъ... уже по мѣстамъ слышатся стоны, уже раздается мольба о помощи... Народъ ослабъ!“ (Церк. Вѣд. 1897, № 34, стр. 1214). Этой помощи всѣ безпристрастные, въ особенности истинные ревнители нашего народа ждуть отъ церковно-приходской школы. И она—Богъ дастъ!—достигнетъ своей высокой цѣли пробудить, развить и укрѣпить въ учащихся поколѣніяхъ, а черезъ нихъ и во всемъ русскомъ народѣ, чувства любви къ Богу, св. Церкви, ея уставамъ и священнодѣйствіямъ, чувства вѣрноподданни-

ческой преданности и любви къ Царю и отечеству. Наши пастыри Церкви, призываемые къ просвѣщенію народа въ духѣ православной вѣры уже самой отечественной исторіей, всегда дѣйствовали въ этомъ добромъ направленіи; и если ихъ непрерывные труды въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ меньше принесли пользы, чѣмъ сколько можно было отъ нихъ ожидать, то не слѣдуетъ забывать, что были особыя историческія обстоятельства, которыя затрудняли просвѣтительную дѣятельность духовенства, задерживали ее, мѣшали ей. Въ настоящее же время державною волею Государя Императора созданы благопріятныя условія для этой дѣятельности, и мы уже имѣемъ великое утѣшеніе видѣть и плоды ея. Расширяясь и укрѣпляясь, церковныя школы оказываютъ самое плодотворное вліяніе какъ на учащихся въ нихъ, такъ и на самый народъ. Народъ сочувствуетъ имъ, какъ наиболѣе соотвѣтствующимъ его исконнымъ стремленіямъ и расположеніямъ, и это сочувствіе съ каждымъ годомъ проявляется болѣе и болѣе, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, каковы—предоставленіе даровыхъ помѣщеній подъ школы, постройка новыхъ школьныхъ домовъ, жалованье учителю или его прокормленіе и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что великая будущность предстоитъ церковной школѣ.

Съ другой стороны, и современная борьба съ расколомъ и сектантствомъ, смущающими своимъ ученіемъ совѣсть православныхъ христіанъ, также преслѣдуетъ великую, апостольскую задачу—обратить къ православной вѣрѣ заблуждающихся и укоренить въ нихъ твердыя начала русской народности для блага и пользы нашего богоспасаемаго отечества. На миссіонерскомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Казани лѣтомъ прошлаго года, признано, что расколъ и сектантство хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣтно ослабѣваютъ, благодаря дѣятельности приходскихъ пастырей и отдѣльныхъ миссіонеровъ (Мис. Об. 1897, сен. — окт. I, 823), однако опасность отъ нихъ далеко нельзя считать устраненною. Севаторъ В. К. Саблеръ говоритъ: „враги святой Церкви многочисленны; число

ихъ растутъ, и самыя условія жизни нашего вѣка способствуютъ болѣе чѣмъ прежде быстрому распространенію зла. Великъ тотъ списокъ, который могъ бы вмѣстить многообразныя антицерковныя ученія, начиная отъ атеизма до грубого фанатическаго изувѣрства нашихъ странниковъ“ (тамъ же, авг. I, 609). Для борьбы съ этими ученіями у насъ существуютъ особыя къ тому призванные и способныя миссіонеры; но они являются только помощниками приходскихъ пастырей, которые, по обязанности своего служенія, призваны быть первыми и главными миссіонерами, по крайней мѣрѣ въ своемъ приходѣ. Поэтому и Казанскій съѣздъ миссіонеровъ, „признавая, что первый и главный миссіонеръ въ приходѣ есть приходскій пастырь, и что центръ успѣха приходской миссіи покоится на личности и дѣятельности послѣднихъ“ (послѣдняго), постановилъ просить Святѣйшій Синодъ—черезъ епархіальныя начальства: а) разъяснить приходскому духовенству важность собесѣдованій, какъ существенно необходимаго способа борьбы съ расколомъ и сектантствомъ, а также б) предписать приходскимъ пастырямъ оказывать всякое содѣйствіе епархіальнымъ и окружнымъ миссіонерамъ, приглашать ихъ къ участию въ богослуженіи, и къ произнесенію проповѣдей и поученій въ храмахъ (тамъ же, I, 644)... Дай Богъ, чтобы всѣмъ извѣстныя труды нашихъ сельскихъ пастырей и въ этомъ великомъ дѣлѣ увѣнчались желаннымъ успѣхомъ!

Но мы не можемъ не упомянуть здѣсь о тѣхъ неимоверныхъ трудностяхъ и лишеніяхъ, иногда чисто подвижническихъ, съ какими сопряжена духовно-просвѣтительная дѣятельность приходскаго духовенства въ наши дни. Прошедшій годъ въ жизни Церкви ознаменованъ нѣкоторыми, чрезвычайно характерными въ данномъ отношеніи, событіями, изъ которыхъ исторія Тираспольскихъ изувѣровъ, заживо похоронившихъ себя въ терновскихъ плавняхъ, чтобы избѣжать печати антихристовой (переписи народной), едва ли не самое печальное. Эта исторія, обратившая на себя всеобщее внима-

ніе, быть можетъ только одна изъ многихъ, размыгравшихся въ раскольничьемъ и сектантскомъ мірѣ въ связи съ народною переписью, — случайно всплывшая на поверхность. Вспомнимъ морельщиковъ, о которыхъ вотъ что сообщаетъ человѣкъ, имѣвшій случай наблюдать ихъ жизнь въ Вятскомъ краѣ. „Непроходимая чаща бора; журчитъ потокъ; на берегу его два холмика, вершины которыхъ покрыты мхомъ и мелкимъ ельникомъ, а бока валежникомъ и буреломомъ. Собиратели ягодъ подошли къ этимъ холмикамъ, и послѣдніе оказались бревенчатымъ человѣческимъ жильемъ, задрапированнымъ отъ нескромныхъ взоровъ ельникомъ, воткнутымъ въ крышу и предъ входомъ. Жиле это имѣло около 3 аршинъ длины и по 2 аршина въ ширину и высоту. Дверь 14 вершковъ высоты. Окно, печи совсѣмъ нѣтъ, внутри лишь лавки. Подобное жиле можно бы почестъ за собачью конуру, если бы не присутствіе въ немъ двухъ женщинъ — старухи и ея 13-лѣтней дочери. Обѣ онѣ поразительно блѣдны и худы; мать уже не первую недѣлю ничего не ѣстъ; надъ ней рѣетъ крыло смерти, она не можетъ шевелиться и даже говорить. Дочь пробавляется ничтожнымъ количествомъ меда и травы, собираясь перейти на діету матери. Это — старообрядцы, рѣшившіе уморить себя Христа ради“ (Церк. Вѣд. 1897, № 6, стр. 204)... Какъ же бороться приходскому духовенству съ такими мрачными явленіями жизни? Очевидно, не одно умственное невѣжество, не одна безграмотность губить людей, отдѣлившихся отъ общенія съ Церковью: Виталія, заправлявшая терновскою исторіей, была грамотна и начитанна въ писаніяхъ раскольническихъ. Ихъ губить, несомнѣнно, та религіозно-нравственная тьма, которая создаетъ въ нихъ особое, изувѣрно враждебное въ отношеніи къ Православной Церкви и русскому государству настроеніе жизни. Съ этимъ-то внутреннимъ настроеніемъ и приходится имѣть дѣло пастырю-миссіонеру. Необходимо путемъ непрерывныхъ и разнообразныхъ пастырскихъ вліяній поколебать это настроеніе и замѣнить его истинно-христіанскимъ. Сколько же труда и умѣнія для этого потребно!...

Есть и много других обстоятельств, затрудняющих просвѣдательную дѣятельность приходскаго духовенства, вообще обремененнаго множествомъ различныхъ дѣлъ и заботъ. Но—благодареніе Богу!—духовенство не остается одинокимъ въ осуществленіи сравнительно новыхъ и отвѣтственныхъ задачъ своего духовно-просвѣдательнаго служенія. Истинные ревнители вѣры и народности русской отовсюду спѣшатъ на помощь къ нему. Ближайшимъ же образомъ низшіе члены клира и учителя приходскихъ школъ, болѣе часто и близко соприкасающіеся съ народною жизнью, оказываютъ священникамъ большую пользу собираніемъ вѣрныхъ свѣдѣній о религіозно-нравственномъ состояніи прихожанъ, благовременными сообщеніями о движеніяхъ въ мѣстномъ расколѣ и сектанствѣ, участіемъ на бесѣдахъ, въ пѣніи и чтеніи, подъ руководствомъ самихъ священниковъ. Наболѣе же существенную поддержку духовенство находитъ въ церковныхъ братствахъ—этой древне-русской формѣ общенія между духовенствомъ и мірянами для дѣлъ „духовной милости“. Братства разрастаются болѣе и болѣе. Въ прошломъ году въ г. Перми, напр., открыто общество ревнителей православія, при Пермскомъ братствѣ св. Стефана, для утвержденія православной вѣры и нравственности и для борьбы съ расколомъ; общество должно войти въ ближайшій союзъ съ церковно-приходскими попечительствами. Заслуживаютъ также вниманія, что даже женщины и дѣвицы вступаютъ между собою въ союзъ для содѣйствія пастырю Церкви въ его просвѣдательной дѣятельности. Такъ, въ 1896 году въ г. Ярославлѣ при церкви св. Іоанна Предтечи открыто общество подъ названіемъ *приходской женской миссіи* (Церк. Вѣд. 1897, № 30, стр. 1023 и № 21, стр. 708). Основываясь на исторіи нашихъ церковныхъ братствъ, а также на многополезной дѣятельности ихъ въ настоящее время, позволительно думать и надѣяться, что „братскіе союзы“ дѣйствительно могутъ оказать священнику существенную помощь въ дѣлѣ проведенія въ жизнь лучшихъ христіанскихъ завѣтовъ.

Заканчивая свою замѣтку о просвѣтительной дѣятельности нашего приходскаго духовенства, пожелаемъ отъ души, чтобы и въ наступающемъ году оно вело дѣло просвѣщенія русскаго народа съ великими для себя утѣшеніями. Не забудемъ утѣшительныхъ словъ Господа къ Ангелу Ефесской церкви: „знаю дѣла твои, и трудъ твой, и терпѣніе твое... ты много переносилъ и имѣешь терпѣніе, и для имени Моего трудился и не изнемогалъ... побѣждающему дамъ вкушать отъ древа жизни, которое посреди рая“ (Апок. 2, 2. 3. 7).

Празднованіе Нового года въ христіанской Церкви.

Празднованіе январскихъ календъ, которыя со временъ Юлія Цезаря принимались за начало гражданскаго года въ римской имперіи, представляло какъ бы всю полноту языческаго нечестія: ночь, предшествующая дню новолѣтія, была временемъ невоздержанія и необузданности. Встрѣчая такимъ образомъ новый годъ, язычники думали, что, кто начинаетъ годъ разгульною жизнію, тотъ можетъ рассчитывать на полное довольство въ теченіе всего наступающаго года. Съ этою же мыслию нѣкоторые оставляли столы съ разными яствами на цѣлую ночь; самый день январскихъ календъ проходилъ въ разныхъ гаданіяхъ, въ дикихъ выраженіяхъ радости и въ распутствѣ. Понятно, что первенствующіе христіане, водимые духомъ истиннаго благочестія, всевозможно удалялись отъ такихъ богопротивныхъ обычаевъ. Но между христіанами были и слабые, которые увлекались языческими празднествами и позволяли себѣ принимать участіе въ нихъ: удаляться отъ языческихъ торжествъ, по ихъ мнѣнію, значило вооружать противъ себя язычниковъ и давать имъ новый поводъ поносить имя христіанъ. Языческіе обычаи нашли себѣ доступъ къ христіанамъ особенно въ то время, когда Церковь Хри-

стова наслаждалась спокойствіемъ подъ покровительствомъ христіанскихъ императоровъ и когда было такъ много движимыхъ внѣшними побужденіями, чтобы наружно пристать ко Христу, не проникаясь Его духомъ. Во времена Петра Хризолога (жившаго въ 5-мъ вѣкѣ) языческія обыкновенія при празднованіи Новаго года стали уже столь обыкновеннымъ явленіемъ между христіанами, что нѣкоторые, участвуя въ оныхъ, перестали и сознавать, что ихъ поведеніе преступно.

Церковь Христова, разумѣется, не могла оставаться равнодушною, когда видѣла, что уже обращенные ко Христу продолжаютъ соблюдать языческія празднества. Для искорененія язычества, которое и послѣ своего паденія увлекало слабыхъ христіанъ изъ язычниковъ, Церковь имѣла обыкновеніе противопоставлять языческимъ празднествамъ и обычаямъ что либо христіанское. Такъ, на мѣстѣ храма въ честь Аполлона (близъ Антиохіи, въ роцѣ Дафны) христіане поставили мощи св. мученика Вавилы 1). Такъ поступили пастыри Церкви и въ томъ случаѣ, когда языческіе обычаи, при празднованіи Новаго года, начали распространяться между христіанами: на мѣсто языческаго Церковь учредила свое христіанское празднованіе Новаго года, которое, въ противоположность языческимъ сборищамъ и служенію сатанѣ, состояло въ общественномъ служеніи Господу Богу. „Вчерашній день, бывшій сатанинскимъ праздникомъ, говоритъ св. Златоустъ въ своей бесѣдѣ, произнесенной на другой день календѣ, вы слѣдали праздникомъ духовнымъ, принявъ слова наши съ великою благосклонностію и большую часть дня проведши здѣсь въ трезвости и ликованіи вмѣстѣ съ апост. Павломъ 2). Такимъ образомъ вы получили двойную пользу, потому что и уклонились отъ безчинной пляски пьяныхъ, и

1) Чет.-Мин. сент. 4-го дня.

2) Злат. въ бесѣдѣ изъясняя слухателямъ слова ап. Павла 1 Кор. 10, 31.

совершили ликованія духовныя, сопровождаемыя великимъ благочиніемъ: вы пили изъ чаши, которая исполнена духовнаго ученія; вы сдѣлались трубою и киеарою для Святаго Духа, и между тѣмъ, какъ другіе служили діаволу, вы, пребывая здѣсь, сдѣлали себя органами и сосудами духовными“. Впрочемъ, пока язычество было еще господствующею религіею въ римской имперіи и празднованіе январскихъ календъ оставалось во всей своей силѣ, день новолѣтія не былъ днемъ веселія и радости въ Церкви христіанской: и въ отличіе отъ язычниковъ, осквернявшихъ день новолѣтія своими нечестивыми празднествами, христіане проводили сей день въ постѣ и молитвахъ.

До насъ дошло не мало проповѣдей, говоренныхъ пастырями Церкви въ день новолѣтія, т. е., въ первый день января. Болѣе извѣстныя изъ нихъ слѣдующія: слова св. Златоуста, Астерія, еписк. Амасійскаго, блаженн. Августина, Петра Хризолога, Максима, еписк. Туринскаго, Цезарія. Всѣ эти проповѣди имѣютъ характеръ полемическій: содержаніе ихъ составляетъ сильное обличеніе языческаго празднованія январскихъ календъ, которое пастыри Церкви именуютъ то „праздникомъ сатанинскимъ“, то „праздникомъ ада“, то „постыднымъ идолослуженіемъ“. Вмѣстѣ съ языческимъ празднествомъ пастыри Церкви обличаютъ и тѣхъ, которые участвуютъ въ ономъ. „Дьявольское гулянье, говоритъ св. Златоустъ, продолжавшееся сегодня во всю ночь, смѣхи, ругательства, ночныя пляски и смѣшная эта комедія отвели нашъ городъ въ плѣненіе, которое тягостнѣе всякаго непріятельскаго“. Далѣе, обличивъ украшеніе и освѣщеніе домовъ и городской площади въ день Новаго года, обличивъ также соревнованіе тѣхъ, которые стараются въ этотъ день выставить на показъ свою работу, желая перещегоолять своихъ товарищей, и назвавъ такихъ соревнователей людьми съ ребяческой душой, Златоустъ продолжаетъ: „но болѣе всего огорчаютъ меня игры, которыя происходятъ сегодня въ гостинницахъ, преисполненныхъ распутства и нечестія; нечестія, потому

что занимающіеся ими замѣчаютъ дни, гадаютъ и думаютъ, что, если первый день года имъ удастся провести въ удовольствіи и веселіи, и во весь годъ будетъ то же; распутства, потому что на самомъ разсвѣтѣ и женщины, и мужчины наполняютъ стаканы и чаши виномъ и напиваются безъ всякой мѣры. Счастливъ будетъ для тебя во всемъ годъ не тогда, когда напьешься въ первый день, но когда и въ первый, и въ прочіе дни будешь дѣлать то, что угодно Богу“... Когда значительно ослабѣло языческое празднованіе январскихъ календъ, праздникъ Обрѣзанія Господня (падавшій на 1-е января) сталъ совершаться въ веселіи и радости, какія свойственны христіанскимъ праздникамъ; и позже 6-го вѣка у отцевъ Церкви мы уже не видимъ бесѣдъ, направленныхъ противъ январскихъ календъ. Когда же на востокѣ вошло во всеобщее употребленіе начинать Новый годъ съ 1 сентября, отцы Церкви, руководствуясь примѣромъ Церкви временъ предшествующихъ, положили праздновать и сей день и составили на сей день, какъ на день Новаго года, особую службу. Содержаніе службы въ день новолѣтія составляютъ двѣ главныя мысли: во первыхъ, славословіе и благодареніе Господу, „положившему людямъ мудростію времена и лѣта, еже славити вседѣтельную Его благодать“; во вторыхъ, прошеніе Господу о благословеніи наступающаго года, чтобы Онъ, яко человеколюбецъ, сподобилъ начавшихъ оный провести и окончить благоугодно Ему, чтобы даровалъ миръ церквамъ своимъ, въ мирѣ сохранилъ блюстителя мира—благовѣрнаго императора и всѣхъ христіанъ сохранилъ цѣлыми и невредимыми. вмѣстѣ съ симъ Церковь проситъ Господа о плодородіи земли, благораствореніи воздуха, благопотребномъ дождѣ. Послѣднее прошеніе тѣмъ болѣе благоприлично, что празднованіе Новаго года совершалось въ такое время (въ началѣ сентября), когда, обыкновенно, бросаютъ сѣмена въ землю, чтобы чрезъ годъ получить обильную жатву.

Наша отечественная Церковь, принявъ отъ Церкви грековосточной исповѣданіе вѣры и богослуженіе, заимствовала

отъ нея и празднованіе Новаго года, который въ древней Руси начинался съ мѣсяца марта 1), а позднѣе—со времени Московскаго собора 1347 года перенесенъ на 1-е число сентября. Въ древнихъ Потребникахъ помѣщался „чинъ провозженія лѣту“, или „начало индикта, еже есть новое лѣто“, или „дѣйство лѣтоначатца, многолѣтняго здравія“; самое „дѣйство“ совершалось между тремя кремлевскими соборами—Успенскимъ, Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ. Въ 1699 году 1-го сентября „чинъ новолѣтія“ въ послѣдній разъ былъ совершенъ патриархомъ на площади и въ присутствіи государя. 20-го декабря того же года послѣдовалъ царскій указъ вести лѣтосчисленіе впредь не отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова и Новый годъ праздновать молебнымъ пѣніемъ въ Церкви 1-го января,—какъ это принято не только во всѣхъ европейскіхъ странахъ, но и у народовъ славянскихъ и у грековъ 2). Впрочемъ, Церковь на-

1) На томъ основаніи, что въ мѣсяцѣ мартѣ созданы міръ и человекъ, и въ этомъ же мѣсяцѣ совершились величайшія, спасительныя для всего человѣческаго рода, событія (Благовѣщеніе, страданіе и воскресеніе Спасителя); съ 1-го числа марта начинаются всѣ круги церковной хронологіи, по которымъ опредѣляется (согласно съ постановленіемъ 1-го вселенск. собора) время празднованія Пасхи и другихъ, такъ называемыхъ, подвижныхъ праздниковъ, кругъ которыхъ составляетъ собственно церковный годъ.

2) И по перенесеніи начала Новаго года на 1-е января, мы расходимся съ западными народами въ счисленіи времени на цѣлыхъ 12 дней. Причина этого—въ томъ, что календарь, принятый нашею Церковью и названный юліанскимъ (по имени Юлія Цезаря, впервые установившаго или исправившаго оный), не сходится съ календаремъ, введеннымъ въ западной церкви папою Григоріемъ XIII и названнымъ по его имени григоріанскимъ. По нашему, юліанскому, календарю годъ состоитъ изъ 365 дней и 6 часовъ, почему чрезъ 3 года въ 4-й высокосный къ тростому году прибавляется еще одинъ день (29 февр.); но точнѣйшія астрономическія наблюденія и вычисленія показали, что юліанскій годъ больше григоріанскаго года 11-тью минутами и 15-тью секундами. Эта разность въ вычисленіи въ теченіе столѣтій сдѣлалась весьма значительной: изъ 11 минутъ и 15 секундъ въ 128 лѣтъ составляетъ ровно

ша, хотя празднуетъ начало Новаго года съ января, однако церковные праздники и служебные дни ведетъ по старому, т. е., съ 1-го сентября ¹⁾).

О противодѣйствіи со стороны Церкви нѣкоторымъ обычаямъ, связаннымъ съ началомъ года.

Въ круговоротѣ времени, со смѣной одного года другимъ непримѣтно значительнаго обновленія въ области духовно-нравственной жизни человѣка, въ его привычкахъ, обычаяхъ и проч. Съ перемѣной времени укоренившіеся въ обществѣ обычаи, суевѣрія и предрасудки часто не уничтожаются безъ слѣда, а только видоизмѣняются и принимаютъ новую форму соотвѣтственно новымъ условіямъ. „Что было,

дѣвъ, а въ 1280 годовъ—10 дней. Такая неточность юліанскаго календаря побудила папу Григорія XIII въ 1582 г. выбросить изъ октября цѣлыхъ 10 дней, такъ что послѣ 4-го числа вдругъ стали считать 15-е октября. Слѣдствіемъ этого было то, что григоріанскій календарь съ 1582 года упреждалъ нашъ юліанскій календарь 10-ю, 1700 г. 11-ю, а въ настоящее время упреждаетъ 12-ю днями, такъ что, когда мы празднуемъ 1-го января, по григоріанскому календарю бываетъ уже 13-е января. Счисленіе по григоріанскому календарю обыкновенно называется у насъ „новымъ стилемъ“, а счисленіе по нашему, юліанскому, календарю—„старымъ стилемъ“.

¹⁾ Примѣръ совмѣстнаго существованія двухъ новолѣтій—гражданскаго и церковнаго мы видимъ еще у евреевъ. До исхода изъ Египта Новый годъ начинался у нихъ съ перваго осенняго мѣсяца, т. е., соотвѣтствующаго нашему сентябрю; съ учрежденіемъ новаго, священнаго года, этотъ прежній, гражданскій годъ не отмѣнялъ; напротивъ, Самъ Богъ повелѣлъ начинать счетъ годовъ, для опредѣленія годовъ субботнихъ и юбилейныхъ, съ 1 сентября. Подобно евреямъ и христіане съ 4-го вѣка имѣли два новолѣтія. Константинъ Великій, отмѣнивъ прежнее римское лѣтосчисленіе, узаконенное Августомъ и названное индикціономъ, установилъ свои индикціоны, по которымъ годъ начинался съ 1-го сентября. Эти индикціоны были приняты отцами 1-го Никейскаго собора, *яко начало свободы христіанскія*, какъ сказано въ Четьи-Мин. на 1-е марта.

говорить ветхозавѣтный мудрецъ, то и будетъ; и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться и нѣтъ ничего новаго подь солнцемъ. Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ: „смотри, вотъ это новое“; но это уже было въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ“. (Еккл. I, 9—10). Невольно припомнились намъ эти слова Екклесіаста при размысленіи о тѣхъ суевѣрныхъ и суетныхъ обычаяхъ, которые имѣютъ у насъ мѣсто при встрѣчѣ Новаго года. Эти обычаи были уже „въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ“.

Съ началомъ года всегда были связаны у людей нѣкоторые суевѣрные предразсудки и обычаи, противъ которыхъ, какъ несогласныхъ съ духомъ христіанства, Церковь всегда возставала. Такъ св. Іоаннъ Златоустъ обличалъ суетный обычай встрѣчи Новаго года пиршествами, а также тотъ взглядъ, что счастливо и весело проведенный первый день года обѣщаетъ цѣлый годъ веселья и радости. Вотъ какъ описываетъ великій святитель такой обычай въ словѣ на Ночный годъ. „Подлинно, діавольское гулянье, продолжающееся сегодня во всю ночь, смѣхъ, злословіе, ночныя пляски и это смѣшное шутовство взяли нашъ городъ въ плѣнъ хуже всякаго врага; и тогда какъ слѣдовало бы сокрушаться, плакать, стыдиться и согрѣшившимъ, и несогрѣшившимъ, однимъ за свои грѣхи, а другимъ при видѣ безчинства братій, нашъ городъ веселится, празднуетъ, увѣнчанъ... Болѣе всего огорчаютъ меня игры, происходящія сегодня въ гостинницахъ, исполненныя невоздержанія и всякаго нечестія,—нечестія потому, что занимающіеся ими наблюдаютъ дни, гадаютъ и думаютъ, что если первый день этого мѣсяца они проведутъ въ удовольствіи и веселіи, то и весь годъ будутъ проводить такъ же, а невоздержанія потому, что на разсвѣтѣ женщины и мужчины, наполнивъ стаканы и чаши виномъ, напиваются безъ всякой мѣры. Это не сообразно съ нашимъ любомудріемъ, сами ли вы такъ поступаете или позволяете поступать другимъ, слугамъ, друзьямъ или сосѣдямъ“. Не то же ли самое продолжается и до нынѣ? Не такъ же ли обыкновенно

венно встрѣчаютъ Новый годъ въ городахъ? Вѣдь это цѣлонощное пиршество и шумное веселье въ частныхъ домахъ и семействахъ, шатанье по улицамъ и спрашиванье у встрѣчныхъ ихъ именъ, устройство различныхъ увеселительныхъ зрѣлищъ,—все это до поразительности напоминаетъ то, что было еще во времена Златоуста, какъ остатокъ языческой древности. Правда, простому нашему народу этотъ обычай полуночной встрѣчи Нового года съ чашею вина въ рукахъ чуждъ; но за то простой народъ въ ночь подъ Новый годъ совершаетъ различныя гаданія, въ самый день Нового года наблюдаетъ суевѣрныя примѣты, по которымъ дѣлаетъ выводы на счетъ будущаго года.

Какъ ни трудно бороться съ сложившимися въ теченіе вѣковъ обычаями, тѣмъ не менѣе Церковь не можетъ оставить безъ вниманія всѣ указанные суевѣрныя и противныя христіанству обычаи, и пастыри, поэтому, должны заботиться объ искорененіи ихъ или по крайней мѣрѣ объ измѣненіи и уничтоженіи того, что есть въ нихъ противохристіанскаго, безнравственнаго. Какія же могутъ быть указаны для этого мѣры борьбы съ упомянутыми обычаями?

Въ послѣднее время съ общимъ подъемомъ у насъ церковной жизни и вліянія Церкви на общество въ нѣкоторыхъ мѣстахъ торжественно совершаются молебны на новолѣтіе въ полночь на 1-е января съ тою цѣлью, чтобы отвлечь общество отъ неправильной встрѣчи Нового года. Можно указать еще и другія мѣры, посредствомъ которыхъ пастыри Церкви могутъ воздѣйствовать на уничтоженіе тѣхъ нежелательныхъ въ жизни нашего общества и народа явленій, которыя приурочены къ Новому году. Въ ряду этихъ мѣръ на первомъ мѣстѣ можно поставить проповѣдь, разъясняющую суетность новѣйшихъ пиршествъ, увеселеній и гаданій и несомѣстимость ихъ съ христіанскимъ званіемъ. Такія обличительно-поучительныя проповѣди должны быть повсемѣстно произносимы съ церковной кафедры въ ближайшіе къ Новому году богослужебные дни и особенно въ ка-

нунъ Новаго года. Пастырское слово, настойчивое и проникнутое, духомъ истинно-христіанской попечительности о душахъ пасомыхъ, не можетъ остаться безъ добраго вліянія по крайней мѣрѣ хотъ на лучшую часть общества, желающую быть въ послушаніи Церкви. Многихъ такая проповѣдь можетъ побудить серьезнѣе относиться къ новогоднимъ увеселеніямъ, и если самый обычай встрѣчать Новый годъ въ полночь съ виномъ не уничтожится, то по крайней мѣрѣ прекратится или хотя уменьшится безобразный разгулъ и нескромное веселье.

Для удовлетворенія же религіозной потребности пасомыхъ, ихъ желанія освятить церковной молитвой вечеръ противъ Новаго года можно указать на особенно торжественное отправленіе всенощнаго бдѣнія, на которомъ, какъ по сѣщаемомъ множествомъ молящихся, прилично и удобно было бы произнести вышеупомянутую проповѣдь или предложить какое-либо соотвѣтствующее поучительное чтеніе. При этомъ желательно, чтобы въ службу всенощнаго бдѣнія подъ 1-е января введены были молитвословія и пѣснопѣнія „индикта“, т. е., новолѣтія *). Известно, что по церковному численію годъ начинается съ 1-го сентября; въ этому дню въ церковно-богослужебныхъ книгахъ и приурочена служба новолѣтія. Съ празднованіемъ Новаго года 1-е января въ церковно-богослужебномъ отношеніи день Новаго года, какъ таковой, обыкновенно ничѣмъ не отличается, за исключеніемъ молебна, отправляемаго *послѣ литургіи*. Молитвы и пѣснопѣнія, содержащіяся въ службѣ на 1-е сентября, обыкновенно не возносятся (кромѣ случая, когда 1-е сентября падаетъ на воскресенье) въ сельскихъ храмахъ въ этотъ день, такъ какъ 1-е сентября—день присутственный, не праздничный и службы поэтому въ приходскихъ церквахъ не бываетъ. На Новый же годъ, празднуемый 1-го января, обык-

*) На это необходимо разрѣшеніе и благословеніе Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Ред.

новенно поются повсюду, насколько намъ это извѣстно, службы Обрѣзанію Господа Бога и Спаса Иисуса Христа и свят. Василию Великому. Пѣснопѣнія же службы „индикта“ (1-е сентября) какъ нельзя лучше выражаютъ взглядъ Церкви на то, какъ мы должны встрѣчать начало новаго лѣта и какихъ благъ просить и ожидать себѣ отъ Господа въ предстоящемъ Новомъ году.

Совѣтують еще служить непосредственно послѣ все-нощнаго бдѣнія благодарственный Господу Богу молебенъ за благополучно и въ здравіи проведенный годъ (С.-Петер. духовный Вѣстникъ, 1896 г., № 51—52). Этотъ молебенъ, о которомъ должно быть объявлено заранѣе, былъ бы очень умѣстенъ въ данномъ случаѣ и привлекъ бы ко всенощной много молящихся, которые быть можетъ иначе и не пришли бы въ церковь.

В. П—скій.

Къ рѣшенію вопросовъ изъ области пастырской практики.

Въ какихъ метрическихъ книгахъ должна быть записана треба, совершенная постороннимъ священникомъ—въ книгахъ его мѣстной церкви, или же въ книгахъ той приходской церкви, въ предѣлахъ которой совершена треба?

Изъ 1,041 ст. IX т. Св. зак. (изд. 1876 г.), гдѣ говорится, что треба, совершенная постороннимъ священникомъ, записывается въ книгѣ мѣстнымъ священникомъ или священникомъ, совершившимъ требу, также діакономъ и причетникомъ, надобно заключить, что треба должна быть записана въ метрикахъ той приходской церкви, въ предѣлахъ которой совершена, а изъ примѣчанія къ 1,041 ст., въ которомъ иноприходному священнику вмѣняется въ обязанность дать письменное свидѣтельство, съ обозначеніемъ, подъ какимъ именно числомъ мѣсяца и номеромъ записано священнодѣйствіе въ

церковныхъ книгахъ, слѣдуетъ, что настоящій священникъ, совершившій требу, долженъ записать ее въ метрическихъ книгахъ своей приходской церкви. Повидимому, выходитъ противорѣчіе въ законѣ: текстъ 1,041 статьи требуетъ одного, а примѣчаніе къ этой статьѣ — другого. Но это противорѣчіе — только кажущееся. Прежде всего надобно замѣтить, что означенная статья стоитъ въ неразрывной связи съ предшествующей статьёй. Указавши въ 1040 статьѣ, какъ вообще должна быть произведена всякая метрическая запись въ мѣстной приходской церкви, законодатель переходитъ въ слѣдующей 1,041 статьѣ къ частному вопросу: „когда приходскаго священника по какимъ либо обстоятельствамъ не будетъ на лицо, то случающіеся въ сіе время браки, рожденіе и крещеніе младенцевъ и погребеніе умершихъ записываются въ книгу *на томъ же основаніи* (т. е., все равно, какъ если бы эту требу совершилъ и свой священникъ) — мѣстнымъ или стороннимъ священникомъ, исправлявшимъ требу, или также діакономъ и причетниками, но съ точнымъ означеніемъ священника, совершившаго требу“. Смыслъ этой статьи слишкомъ ясенъ и не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что совершенная въ отсутствіе приходскаго священника треба должна быть записана въ метрикѣ той церкви, къ которой принадлежитъ прихожанинъ, пользовавшійся услугою второго священника. Но при отсутствіи приходскаго священника возможенъ и такой случай, что прихожанинъ для совершенія необходимой ему требы самъ отправится въ чужеприходную церковь. И такъ какъ подобнаго рода случаи чаще всего могутъ относиться къ крещенію слабаго ребенка, котораго везутъ скорѣе къ ближайшему священнику, чтобы выиграть время: то въ примѣчаніи къ 1,041 ст. и предусматривается такой исключительный случай (именно — „крещеніе младенца другаго прихода“), который, какъ совершившійся въ другомъ приходѣ, естественно заносится и въ мѣстную приходскую метрику, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы копія съ этой записи была доставлена прихожаниномъ своему приход-

скому причту, для храненія при церковныхъ актахъ (ср. 98 ст. Уст. Духовн. Конс.). Отсюда слѣдуетъ, что метрическая запись должна быть въ книгѣ того прихода, въ предѣлахъ котораго совершена треба, хотя бы то и чужимъ священникомъ или для чужаго прихожанина. Только при такомъ именно пониманіи дѣла и устраняется вышеупомянутое кажущееся и, разумѣется, *не мыслимое* въ сводѣ законовъ противорѣчіе между текстомъ 1,041 статьи и дополнительнымъ примѣчаніемъ къ ней, которое, какъ и всякое примѣчаніе вообще, касается болѣе частнаго вопроса. Правильность такого именно рѣшенія даннаго вопроса подтверждается еще и слѣдующими соображеніями. Метрическія книги изъ консисторіи выдаются *не священнику*, и тѣмъ болѣе „не порознь на каждаго священника“ (за исключеніемъ Якутской области и Камчатской епархіи), но „*приходской церкви* и должны храниться не въ домѣ священнослужителей или причетниковъ, а въ самой церкви“ (т. IX, ст. 1,036). Слѣдовательно, и записываться въ нихъ должно не все то, что совершается мѣстнымъ священникомъ, а только то, что въ *приходѣ этой церкви*. Сообразно съ этимъ, и самыя метрики именуется въ законѣ „*приходскими* книгами“ (т. IX ст. 1034 — 35). Далѣе, если, отвѣтственность за вѣрное и исправное содержаніе приходскихъ книгъ“ возлагается закономъ (1,044 ст.) не на священника только, но и на всѣхъ остальныхъ членовъ причта, то какимъ образомъ послѣдніе будутъ отвѣчать за то, что совершалось хотя и ихъ священникомъ, но въ чужомъ приходѣ и въ соучастіи съ чужимъ причтомъ, а только записано въ ихъ приходской метрикѣ? Это легко устраняется, если запись метрическая будетъ производиться въ книгахъ того прихода, въ предѣлахъ котораго совершена треба, подлежащая означенной записи. Наконецъ, если бы допустить, что священникъ каждую совершаемую имъ внѣ предѣловъ своего прихода требу обязанъ былъ записывать непременно въ своей приходской метрикѣ, то такая запись была бы сопряжена съ большими затрудненіями и неудобствами въ случаѣ домо-

временнаго отсутствія въ извѣстномъ приходѣ своего священника и совершенія тамъ требъ сосѣднимъ приходскимъ священникомъ. Въ такомъ разѣ въ одной церкви метрическая книга лежала бы совсѣмъ безъ употребленія, а въ другой такая же книга излишне обременялась бы записями событій рожденія, бракосочетанія и погребенія лицъ, не принадлежащихъ къ мѣстной приходской церкви. Притомъ, священникъ, совершавшій означенныя требы у чужеприходныхъ прихожанъ, обязанъ былъ бы еще выдавать каждому изъ нихъ копію съ метрической записи: вышелъ бы двойной и совершенно непроизводительный трудъ, допускающій наибольшую вѣроятность пропусковъ въ записи.

Государь Императоръ Александръ III, какъ учитель русскаго народа.

Императоръ Александръ III прежде всего училъ Россію дорожить прѣвыше всего *православною вѣрой*, которой она обязана своимъ бытіемъ, развитіемъ, просвѣщеніемъ. Онъ училъ насъ ограждать нашу *Православную Церковь* отъ каковаго бы то ни было нарушенія ея святости, не допускать умаленія ея достоинства, какъ Церкви государственной, сохраняя за нею принадлежащее ей во всѣхъ предѣлахъ имперіи первое мѣсто, какъ Церкви, освящающей своею благодатію великій подвигъ Русскаго Царя и беззавѣтное служеніе Ему Русскаго народа. Онъ училъ насъ видѣть въ этомъ Царскомъ подвигѣ и въ этомъ беззавѣтномъ служеніи драгоценнѣйшую сущность всего государственнаго строя Россіи и всей нашей государственной жизни, сохраняющей въ самодержавіи Русскихъ царей великіе завѣты прошлаго и обезпечивающей Русскому народу великое будущее. Онъ училъ насъ любить Русскій народъ и дорожить его незамѣтными государственными качествами: его смиренною вѣрой въ Бога, безусловною преданностью Царю, трезвымъ госу-

дарственнымъ чутьемъ, благодаря которому создалась вся идеальная и реальная мощь имперіи все-Россійской, собравшей подъ державой Русскаго Царя многія племена, проникающіяся основною зиждительною идеей Русскаго народа. Онъ училъ насъ ясно намѣчать государственныя цѣли Россіи и идти къ нимъ твердыми шагами по открытому прямому пути чистой правды и высшей справедливости. Онъ училъ насъ не забывать великихъ уроковъ прошлаго, со спокойною прозорливостью цѣнить явленія настоящаго и никогда не терять изъ виду всѣхъ возможныхъ послѣдствій въ будущемъ. Таково было Его ученіе, имѣвшее то великое преимущество, что оно для всѣхъ было ясно и наглядно: и никакихъ сомнѣній не вызывало, никакихъ жетолекованій не допускало. Враги Россіи негодовали на это ученіе, возродившее богатырскія силы самодержавной Россіи, друзья ея восторгались этимъ ученіемъ, но враги и друзья ни на минуту не расходились въ своихъ сужденіяхъ о сущности этого ученія: всѣ безъ исключенія ясно знали, чего желаетъ Царь-Самодержецъ, куда Онъ ведетъ Россію, что Онъ считаетъ для нея вреднымъ и что полезнымъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанниій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 20 ноября 1897 г

Цензоръ, в.-орд. проф. Акад., прот. *Г. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатики, собств. домъ № 40